

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S241377150015621-6

## Сергей Дурылин и Борис Садовской: неизданная переписка

© 2021 г. Ю. А. Изумрудов

Кандидат филологических наук,  
доцент Нижегородского государственного университета  
им. Н.И. Лобачевского,  
Россия, 603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, д. 37  
izumrud.nnov@mail.ru

**Резюме.** Впервые публикуется переписка С.Н. Дурылина и Б.А. Садовского (1911–1913). Письма представляют несомненный интерес в плане прояснения взаимоотношений адресатов, а также отражения значимых событий общественно-культурной жизни. Садовской был для Дурылина одним из тех литераторов, знакомством с которыми тот дорожил. Посылал ему, “умному и острому”, на “дружеский и строгий суд”, свои стихи. И Садовской отметил в них как раз то, что является наиболее характерным для Дурылина, предсказав ему поэтический успех. В переписке затронуты планы поездки Дурылина на озеро Светлояр, где возникла легенда о граде Китеже. Эта поездка оказалась судьбоносной для Дурылина: в дальнейшем он опубликует несколько работ на китежскую тему. Важный аспект переписки – сотрудничество Садовского с петербургскими изданиями – журналом “Современник” и газетой “Русская молва”, в частности планы публикации близких ему по духу авторов-москвичей (Дурылина в том числе). В письмах есть материал, имеющий отношение к истории нескольких московских литературных кружков, с которыми были связаны Дурылин и Садовской, а также четыре неопубликованных стихотворения Дурылина.

**Ключевые слова:** С.Н. Дурылин, Б.А. Садовской, переписка, историко-литературный контекст, Серебряный век.

**Для цитирования:** Изумрудов Ю.А. Сергей Дурылин и Борис Садовской: неизданная переписка // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2021. Т. 80. № 3. С. 42–57. DOI: 10.31857/S241377150015621-6

## Sergey Durylin and Boris Sadovskoy: An Unpublished Correspondence

© 2021 Yuriy A. Izumrudov

Cand. Sci. (Philol.),  
Associate Professor at the N.I. Lobachevsky  
Nizhny Novgorod State University,  
37 Bolshaya Pokrovskaya Str., Nizhny Novgorod, 603000, Russia  
izumrud.nnov@mail.ru

**Abstract.** The article offers the introduction into scholarly circulation of the correspondence between Sergey Nikolaevich Durylin and Boris Alexandrovich Sadovskoy (for years 1911–1913) and supplies it with historical and literary commentaries. The letters are of particular interest for philologists, since they clarify the relationship between two men of letters and reflect significant events in social and cultural life of the time. Durylin valued Sadovskoy’s acquaintance and kept sending out to this “clever and sharp” critic his own poems, requesting Sadovskoy’s “friendly and strict judgement” on them. Sadovskoy pointed out what was most characteristic and authentic about Durylin’s writing

and predicted his future poetic success. The letters disclose Durylin's plans for his trip to Lake Svetloyar, where the Kitezh legend was originated. This trip turned out to be very meaningful for Durylin: later he was to publish several works on the Kitezh theme. An important aspect of the correspondence is Sadovskoy's cooperation with the St. Petersburg literary periodicals — the "Sovremennik" magazine and the "Russkaya Molva" newspaper — and his plans to publish there the works of several Muscovite authors who were close to him (including Durylin). The letters contain materials related to the history of the Moscow literary circles with which Durylin and Sadovskoy were associated. Four poems by Durylin are presented here for the first time.

**Key words:** S.N. Durylin, B.A. Sadovskoy, correspondence, historical and literary context, the Silver Age.

**For citation:** Izumrudov, Yu.A. *Sergey Durylin i Boris Sadovskoy: neizdannaya perepiska* [Sergey Durylin and Boris Sadovskoy: An Unpublished Correspondence]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literaturny i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2021, Vol. 80, No. 3, pp. 42–57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S241377150015621-6

Писательские судьбы Сергея Дурылина и Бориса Садовского в чем-то — существенном — схожи. Оба — активные участники художественного процесса Серебряного века. Оба прошли через жестокие нравственные испытания этой эпохи, едва не кончившиеся для них самоубийством. Дурылин, воспитанный в атмосфере православной купеческой семьи, увлекся идеями атеизма и революции, мужественно перенес тюремное заключение, а далее к нему пришло мучительное осознание тщеты всего этого, душевное опустошение, чему свидетельством следующее дневниковое признание: "Годы 906, 907, 909 — годы моей гибели" [1, с. 24]. Садовской всегда был ревностным противником революции и, как справедливо писал его друг В.Ф. Ходасевич, "любил подчеркивать свой монархизм, свою крайнюю реакционность" [2, с. 327]. Акцентируем здесь слово "крайнюю": ибо и монархизм, и реакционность сочетались у него с "ненужным озорством", "вызывающей крепостнической позой" [2, с. 328], провоцирующей бравадой. Крушение в 1917 г. монархии стало для Садовского тягчайшим ударом. И это символично совпало с обострением его хронической болезни (сухотка спинного мозга), как следствия его неупорядоченного в моральном отношении столичного бытия, вдали от малой родины, Нижнего Новгорода. На сей счет есть потрясающий документ — письмо Садовского Андрею Белому от 15 декабря 1918 г., нижегородское уже письмо:

Вот уже более 5 лет терзает меня *tabes dorsalis* <сухотка спинного мозга. — Ю.И.>. Усиление этой болезни совпало с кровавыми и разрушительными ужасами последнего двухлетия и в общем превратило жизнь мою в кошмарную пытку. <...> Но за это время пережил я огромный духовный кризис.

Очувтившись глаз на глаз со своею внутреннею пустотой и вырванный из условий прежней

внешней жизни, я стал искать спасения у мудрецов. Кант помог мне мало, а Шопенгауэр сделал то, что меня дважды вынимали из петли. Жажда смерти особенно мучила меня последнее время, и только в силу случайности я остался жив. <...>

Совсем недавно прочел я Вашу книгу "Ответ Метнеру" и теперь стою... где? перед чем? Боюсь дышать, ибо предчувствую... что? Не знаю, а только взываю: "верую, помоги моему неверию!"

Я Штейнера достал, но читать боюсь. И прошу Вас, дорогой Борис Николаевич, помочь мне: указать, как мне читать и в каком порядке и что именно. И Ваше слово хочу услышать обо мне. Мой страшный опыт дает мне на это право. Есмь ли я умершее для жизни зерно или погибаящая душа, заживо обреченная геенне? Катарсис ли все это или только смерть?

Врачи определили у меня круговое помешательство (циклотимию) [3, с. 175].

Упоминая здесь об "ответе Метнеру", Садовской имел в виду пространный теоретический трактат Белого «Рудольф Штейнер и Гёте в мировоззрении современности. Ответ Эмилию Метнеру на его первый том "Размышлений о Гёте"» (1917). Белый был авторитетным приверженцем и толкователем антропософии Р. Штейнера — модного тогда оккультистского (в основе своей атеистического) учения<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> "Для антропософии Штейнера все Мироздание зиждется под знаком Человека и Космос есть как бы составная часть человека. Но человек не наследует вечности. <...> Космос его создал, он же может его заменить другим существом. Человек целиком находится во власти космических сил. Фактически он — марионетка в руках высших космических иерархий... <...> ...человек есть космический переход от дочеловеческого к сверхчеловеческому состоянию. В этом непримиримое различие между антропософией и христианством. Для христианского сознания человек может войти в Божественную жизнь, но не может перестать быть человеком <...>. Согласно христианской доктрине, человек не произошел из низших сфер космической жизни, он сотворен Богом и несет в себе образ и подобие Божие" [4, с. 230–232; курсив автора. — Ю.И.]

Нет, не помогли Садовскому Штейнер с Белым... Помощь пришла совсем с другой стороны. В апреле 1922 г. он писал одному из самых доверенных своих друзей О.Г. Чубаровой-Шереметевой:

Читал я все эти 5 лет серьезные книги, но только успел убедиться в их несуразности. Вам как другу скажу, что весь я без остатка растворился в православии и им одним жив. Вера спасла меня и примирила с моим вывихом. Горячо советую Вам прочесть книгу Флоренского “Столп и утверждение истины” — она мне очень помогла [5, с. 460].

Схожую духовную эволюцию претерпел и Дурылин. Вот как писал он об этом их общему с Садовским знакомому Эллису (Л.Л. Кобылинскому), на тот момент страстному поклоннику Штейнера, а в скором времени столь же страстному его противнику:

Я бросил гимназию. Верить в Бога было некогда... <...> Я чувствовал, что я должен умереть. Все кругом умирали или готовились умереть. <...> Я сблизился опять с толстовцами, единственными религиозными людьми, которых я знал. Но они мне говорили, как надо жить, а я их спрашивал *почему* мне нужно жить. Я приходил к моему старому, старому товарищу и требовал, чтобы он выкладывал мне немедленно все доводы за то, что нужно жить и самоубийство ложно <...> В начале 908 г. в тюрьме я прочел “Пасхальные письма” Вл. Соловьева. Первое письмо о Воскресении Христе меня поразило. Это было забытое, столько лет не слышанное, невозможное “Христос воскрес!” моей сжавшейся от одиночества и тоски душе. <...> Поверив в Воскресшего, я поверил в не конечность моего существования... <...> Победа Воскресшего спасла меня; верю, что Он победит меня и во мне навсегда... [6, с. 149–154].

Наряду с “Письмами” Владимира Соловьева, важной вехой для Дурылина на пути обретения веры в Христа — и, стало быть, веры в себя, в осмысленность и сакральность жизни — стали заветы Франциска Ассизского. Книгу о нем (1895 г.) он также прочитал в тюрьме (это был другой его срок заключения, полугодом ранее, но по тем же мотивам: подозрение в революционной деятельности). И, хотя по выходе из нее, как он считал, в его судьбе “все шло по-старому: <...> тоска, один, смерть”, — все ж таки, в подсознании, было убеждение, что книга произвела на него “огромное впечатление”, обусловившее то, “что он внес поправку в свое мировоззрение” [6, с. 151]. В дальнейшем Дурылин стал ревностным приверженцем и популяризатором францисканства в России (что показывает и публикуемая ниже его переписка с Садовским). Художник Л.О. Пастернак в 1935 г.

писал сыну Борису, в чем становлении как поэта весьма была роль Дурылина, что последний “своей тихой сосредоточенностью напоминал ему Франциска Ассизского и был подходящей моделью для его портрета” [6, с. 165].

В ряду роковых *отходов* Дурылина от Христа у него было и штейнерианство, но уже едва ли не в следующем письме к Эллису он заявит об ущербности этой новомодной кабинетной доктрины в сравнении с христианством. Строки из дневниковой книги Дурылина “В своем углу” убедительнейшим образом свидетельствуют о том, что антропософ Белый не мог быть — как для него, так и для Садовского — путеводителем:

Читаю Сквороду Эрн и вспоминаю автора. <...> Прямой. Я думаю, что он никогда не мог никуда — ни в мысли, ни в жизни, идти, как прямо. Вечное иду на вас, или более теплое, но столь же прямое: иду *за* вас. В книге о Сквороде он идет и за вас и на вас — на неокантианцев и интеллигентов, и за вас — за Сквороду. <...> Его “Рим”, его *Urbs aeterna* <...> — была русская культура, подземными корнями и ключевыми подгрунтовыми водами общающаяся с культурой Платона, Данте, Беато Анджелико. Оттого ему понадобилось и писать о “самом смешном” в смешной теме “История русской философии” — о Сквороде — об этом Беато Анджелико русской философии, да еще предварить это писание, уже само по себе обреченное смеху, — предисловием о смысле и значении русской философии. Это предисловие Эрн читал в Обществе памяти Вл. Соловьева, — и я помню, как Андрей Белый назвал его публично за это “хамом”. Так и сказал:

— Владимир Францевич, я обвиняю вас в том, что вы относитесь к Вашей матери (разумелась немецкая философия с Кантом во главе), как некое библейское лицо к своему спящему отцу...

<Эрн> принял и этот удар спокойно и с достоинством рыцаря. Конечно, он “мать” знал и ценил не менее ее налетного защитника, но...

Много можно было бы сказать тут такого, что должно было бы следовать за этим “но”, но ... не стоит говорить.

Сколько “матерей” переменял потом Андрей Белый, а <Эрн> лежит в земле, под сенью березы. И вовремя лег туда! — вовремя *для себя*, но не для того “*Urbs aeterna*”, который так беззаветно любил, с нерусскою, с подлинно римскою верностью... [7, с. 158–160].

Упоминание Сквороды здесь знаменательно. Во-первых, переменчивый Белый, спустя два года после отповеди Эрну, в финале своего романа “Петербург” так представил духовно-нравственную эволюцию его героя — Николая Аполлоновича Аблеухова: “Кант? Кант забыт. <...> ...видели его в церкви; говорят, что

в самое последнее время он читал философа Сквороду» [8, с. 291–292]<sup>2</sup>. Во-вторых (и это главное), философия Сквороды — и для Дурылина, и для Садовского — была важнейшим фактором духовного становления.

В поисках смысла жизни оба писателя пришли к Православию, к Церкви. Дурылин в итоге принял священство. И это — отдаем должное его мужественной и выстраданной позиции — в 1920 г., в лихую пору гонений на Церковь. По благословению оптинских старцев он был рукоположен в сан иерея с обетом безбрачия (целибат), служил в храме Святителя Николая в Кленниках и в Боголюбской часовне у Варварских ворот. Его духовный наставник прот. Алексей Мечёв, понимая, сколь важны для Дурылина занятия литературным трудом, дает совет не оставлять их, быть полезным ими людям. В 1922 г. Дурылин был арестован. В обвинительном заключении, в частности, говорилось, что он «являлся одним из самых видных антисоветских деятелей», «часто выступал с проповедями, в которых указывал, что вера Христова попорана, что храмы ограбляются и верующие насилуются властью» [1, с. 165]. Последовала двухлетняя ссылка в Челябинский округ. В 1927 г. — новый арест, обвинение такое: «Пропагандировал некоторые моменты из учения Розанова, являющиеся, несомненно, контрреволюционными» [1, с. 215]. И новая, трехлетняя, ссылка — в Томск, потом на поселение в Киржаче (до декабря 1934 г.). Все эти годы Дурылин священнического сана не снимал, как и в дальнейшем — будучи уже доктором филологии, профессором советских вузов, знаменитым ученым, получившим официальное признание (орден Трудового Красного Знамени, премия Президиума АН СССР). Тайно, в кругу самых близких и надежных людей, Дурылин совершал церковные службы. Именно как священника, в рясе и с наперсным крестом, в 1926 г. изобразил его М.В. Нестеров. И символичная деталь: в годы после ссылки Дурылину удалось выстроить свой дом в подмосковном Болшеве из материалов сносимого властями Страстного монастыря. Свою

<sup>2</sup> В комментариях к «Петербургу» С. Пискунова и В. Пискунов отметили: «Переход Аблоухова-младшего от Канта («Кант забыт») к Сквороде — это символический жест расставания с рационалистической, обреченной на низвержение в «египетскую» бездну хаоса и иррационализма культурой Запада и приобщения к миру России, миру русского слова» [8, с. 643].

комнату в нем Сергей Николаевич многозначительно называл «кельей».

Садовской священства не принимал. Может быть, потому что мирского в нем было больше, чем у Дурылина, а главное — он все-таки был тяжело болен, без посторонней помощи не мог и дня обходиться. Но он считал себя «православным монахом эпохи “перед Антихристом”» [3, с. 184]. И к этому добавлял: «Я перехожу окончательно и бесповоротно на церковную почву и ухожу от жизни» [3, с. 184]. Он так определял «внешние рамки» и сущность своего нового бытия:

Утром, до чая — молитва. До обеда — чтение. После обеда — сон. До вечернего чая — *far niente*. После чая или светское чтение или радио — но и то и другое не позднее известного часа. Затем писать в постели «Истоки дней»<sup>3</sup>. Молитва. <...> Воскресенья все — Богу. По средам — акафисты Богородице, по пятницам — Иисусу. И все время неумолимо работать над собой. Написать завещание. Приготовить смертную одежду. <...> Совершенно не читать никогда никаких газет. <...> Главное: не спешить ни в чем, все делать медленно и монументально. Смысл моего кризиса — уход во внутреннюю жизнь ради поисков Царства Божия внутри меня сущего (о, если б мне стать духовным Колумбом!) и творческая работа над самим собой [3, с. 186].

С 1929 г. Садовской жил в Новодевичьем монастыре, в помещении под алтарем Красной церкви, в бывшем склепе — «келье», по его характеристике. И к нему, немощному, любили приходить умные и честные люди столицы — укрепиться в духе. Посетившая Садовского Т.Г. Зенгер-Цявловская сообщала матери: «Он вообще очень колоритная, своеобразная фигура. Он — разбитый параличом человек; максимальное, на что он способен, это сидеть в креслах. Он не стар. Ему, может быть, 50 лет. Но при этом необыкновенно интенсивно работающая мысль, он всё время пишет, обдумывает романы, весь погружен в творчество... Мы были у него с Мстиславом <М.А. Цявловским. — Ю.И.>. Он принял нас в небесно-голубом халате, с кружевным воротничком и серебряными бомбочками-пуговицами» [9, с. 14].

В дневниках Садовской оставил немало интересных свидетельств о том, что происходило в стенах Новодевичьей обители. Есть тут и жуткие строки о похоронах Андрея Белого:

<sup>3</sup> Мемуарно-дневниковая книга, подобная книге Дурылина «В своем углу».

На днях умер А. Белый. Так и косит наших... Тело сожгли. “Пепел” и “Урна”<sup>4</sup>... Ужасен конец всех символистов нашего поколения. Даже Ликиардопуло<sup>5</sup> сошел с ума... Да, медитации до добра не доводят. Белый умер от склероза мозга. Хоронили его по-собачьи, с музыкой и гвалтом [3, с. 191].

При всем трагизме жизненных путей Дурылина и Садовского, им обоим выпало обрести своего “ангела-хранителя”. Именно так — “ангелом-хранителем” — Дурылин называл свою духовную дочь Ирину Алексеевну Комиссарову. Ее он встретил в период службы в храме Святителя Николая в Кленниках. Она состояла в сестринской общине при храме, организованной по благословению патриарха Тихона о. Алексием Мечёвым. Дурылин как-то сразу пришелся по душе Ирине Алексеевне — замечательным умом, честностью, добротой. И она, как могла, старалась помочь ему, совершенно непрактичному в быту, страдающему от голода и холода. И потом отправилась сопровождать его в ссылку, по наставлению Алексия Мечёва: “Поезжай с ним, помоги ему, он нужен народу” [1, с. 169]. И уже не разлучалась с ним до конца его жизни. Дурылин просто боготворил ее. Приведем его строки, обращенные к ней, разделенные тремя десятилетиями. В 1922 г., перед первой ссылкой: “...Одного человека я хочу видеть около себя и одного зову с собой — тебя... Я чувствую тебя родною себе, близкою, дорогою. От тебя я видел всегда одну преданность и верность, — мало того, *понимание* меня. Ты мне друг, и всегда в твоих словах вижу духовную заботу обо мне, самое горячее желание блага мне. Помни все это... *Никому я не дам стать на твое место около меня. Оно твое — и только твое...* Ты — родной, *нигде и никогда незаменимый человек*” [7, с. 77; курсив Дурылина. — Ю.И.]. В 1952 г., за два года до кончины: “...Жизнь вся обласкана, озабочена, утеплена, выношена, выстрадана, выпасена тобою, — одной тобою” [7, с. 88]. Именно Ирине Алексеевне пришла в голову мысль поставить в Болшеве дом и использовать для этого конструкции разрушаемого Страстного монастыря. И дом этот дал Дурылину восемнадцать лет плодотворной жизни, ведь в противном случае, как предупреждали врачи его жену, в условиях тесной московской

коммуналки, на восьмом этаже при неработающем лифте он с больным сердцем едва ли мог бы выдержать несколько месяцев. Ирина Алексеевна была идеальной хозяйкой в болшевском доме, где все было подчинено интересам Сергея Николаевича. Умело, терпеливо налаживала быт, топила печку, готовила, принимала гостей (а редкий день обходился без них), исполняла обязанности секретаря Дурылина, читала и перепечатывала его рукописи, общалась с издательскими работниками. После смерти Сергея Николаевича она же берегла и систематизировала его архив, устраивала вечера его памяти. Благодаря ее трудам и настойчивости (отдадим дань признательности и ее сестре Александре Алексеевне, продолжившей дело ее жизни) ныне в Болшевском доме — Мемориальный дом-музей С.Н. Дурылина.

Такую же роль при Садовском сыграла Надежда Ивановна Воскобойникова. До встречи с ней у него были два крайне неудачных, скоропалительных брака. Разоренный очаг, утрата сына, нелады с близкими родственниками, подорванная психика. «“Не то” была и вся жизнь моя», — с беспощадной откровенностью записал он в дневнике 1933 г. И продолжил: «Но зато теперь получил я такое счастье, о каком и мечтать не смел. Только бы не свернуть с пути, не остановиться! Каждое слово Писания есть истина — да, “сила моя в немощи совершается...” И точно ветром сдуло всех друзей, знакомых, дам... <...> Одна Надя и Господь над нами» [3, с. 186]. А семью годами позже он известит своего давнего, еще по Петербургу, знакомого К.И. Чуковского: “Живу под церковью в полной тишине, как на дне морском. Голубой абажур впечатление это усугубляет. Встаю в 6, ложусь в 12. Женат с 1929 года и вполне счастлив. У нас четыре самовара (старший — ровесник Гоголя), ставятся они в известные часы и при известных обстоятельствах. Жена моя знала когда-то латынь и Канта, но теперь, слава Богу, все забыла. Зато и пельмени у нас, и вареники, и кулебяки! Пальчики оближете” [3, с. 192]. Здесь, конечно же, за упоминанием Канта и латыни, прочитывается ирония по отношению к штейнерианству и прочим “медитациям” ненавистного Садовскому Серебряного века. И самоирония тоже.

Н.И. Воскобойникова-Садовская была совершенно иной по складу своей личности, нежели И.А. Комиссарова. В ее образе жизни

<sup>4</sup> “Пепел” (1909) и “Урна” (1909) — сборники стихотворений А. Белого.

<sup>5</sup> Ликиардопуло Михаил Федорович (1883–1925) — переводчик, критик, журналист; в 1906–1909 гг. — секретарь символистского журнала “Весы”. В РГАЛИ хранятся его письма к Садовскому.

в предреволюционные годы было нечто, совершенно немыслимое для Ирины Алексеевны; на этот счет в печати самые разные, порой шокирующие сведения: участие в интригах вокруг императорской фамилии, близкое общение с Григорием Распутиным, фрейлиной императрицы Анной Вырубовой, министром внутренних дел Протопоповым... Но к концу 1920-х годов все это осталось в прошлом, с этого времени она — жена отвергнутого советской властью поэта-монархиста, физически немощного человека, практически калеки. Она поняла и приняла его как свыше дарованную судьбу и раз и навсегда решила, что в их союзе он главное лицо. Она всецело посвятила ему себя, стала для Садовского всем — женой, матерью, нянькой, переписчицей бумаг и рукописей, ходатаем по литературным делам. Глубокая признательность жене выразилась, в частности, в строках его стихотворения “В день рождения Нади” (1931)<sup>6</sup>:

В заветный светлый день рожденья  
При новой ласковой луне  
Я скромное стихотворенье  
Любимой приношу жене.

Создать стишок сентиментальный  
Для многих дам немудрено.  
Но быть хозяйкой гениальной  
Не всякой женщине дано.

Пусть наше радостное счастье  
Весенний ангел сторожит,  
Пускай угрюмое ненастье  
От нашей хижинки бежит.

И я, на жизнь с улыбкой глядя  
И не страшась ее лица,  
Лишь одного желаю, Надя,  
Быть с Вами вместе до конца [10, с. 190].

Увы, “быть вместе до конца” не довелось. Надежда Ивановна скончалась пятью годами ранее мужа. И потому некому было заботиться о его посмертной судьбе, устраивать вечера памяти, стучаться в двери редакций и издательств. В данном контексте судьба оказалась менее благосклонной к Садовскому, чем к Дурылину. Но, как бы то ни было, к читателям их произведения пришли практически в одно время — на рубеже XX и XXI веков.

По своему мышлению, направленности творческой деятельности Садовской и Дурылин были “внутренними эмигрантами”, и заветные их творения писались “в стол”.

<sup>6</sup> Рукопись стихотворения была найдена нами в архиве нижегородских родственников Садовского и впервые опубликована в 2000 г. в журнале “Нижний Новгород”.

У Дурылина это повесть “Сударь кот”, роман “Колокола”, рассказ “Сладость ангелов”, книги автобиографической прозы “В своем углу” и “В родном углу”, циклы стихов “Венец лета”, “Старая Москва”. У Садовского — повести “Кровавая звезда”, “Амалия”, “Александр Третий”, романы “Шестой час”, “Пшеница и плевелы”, “Записки”, стихи 1920–1940-х годов. При всем своеобразии творчества этих писателей их объединяет главная, концептуальная тема — обретение истинной, Китежской России.

\* \* \*

Переписка Дурылина и Садовского в полном виде не публиковалась. В печати приводились лишь отдельные выдержки из некоторых писем, в частности в книгах В.Н. Тороповой [1] и Т.В. Анчуговой [11].

Все письма печатаются нами по автографам, сохранившимся в РГАЛИ (письма Дурылина: Ф. 464. Оп. 1. Ед. хр. 53; письма Садовского: Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 776, Оп. 2. Ед. хр. 276). Наши комментарии даются в постраничных сносках.

#### Переписка С.Н. Дурылина и Б.А. Садовского (1911–1913)

17.

Москва, 16 октября.

Дорогой Борис Александрович!

Вам, как доброму другу моей немного робкой и стесняющейся Музы, хочется мне переписать несколько своих стихов, частью новых, частью старых, — и хочется услышать от Вас дружеский и строгий их суд.

Прежде всего переписываю мою “Старую царевну”, посвященную Вам<sup>8</sup>.

<sup>7</sup> В этом письме Дурылин приводит шесть своих стихотворений. Два из них — “Старая царевна” и “В сердце много боли вешней...” — публиковались в современных изданиях (“Я никому так не пишу, как Вам...”: Переписка С.Н. Дурылина и Е.В. Гениевой. М.: Центр книги Рудомино, 2010; *Дурылин С.Н.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Изд-во ж-ла “Москва”, 2014). Другие четыре стихотворения — “Принцесса-акварель”, “Больной принц”, “Сказание о медном грошике”, “Блаженство отроческих слез...” — печатаются впервые.

<sup>8</sup> Садовской отдал Дурылину стихотворением “Земляника”, которое включил в свой сборник “Пятьдесят лебедей” (1913), в разделе “1911”, с пометой о времени и месте написания: “7 ноября. Москва”.

Старая царевна  
(Б.А. Садовскому)

Старая царевна  
Московских времен  
С капустных грядок гневно  
Гоняет ворон.

“Кыш с огорода!  
Каркать без пути!  
Нового-то брода  
Неужто не найти?”

В Питер бы летели,  
Петькин чёртов град.  
Времена приспели:  
Антихрист у врат.

Братец приветит —  
Петрушка тароват:  
У качелей встретит,  
Где детушки висят.

Туго с хлебом-солью —  
Мясо нипочем:  
Человечинки вволю  
С красным кваском.

Одному не скушать,  
Всё-то не испить —  
Помогите рушить!  
Пособите пить!”

Старая царевна  
С палкой на ворон.  
Загудел так гневно  
Ивановский звон.

Если когда-нибудь наберусь смелости, отошлю это стих-<отворен>ие В.Я. Брюсову<sup>9</sup>, — и Вы можете оказаться его крестным отцом.

То была московская царевна, а вот Вам — “Принцесса акварельная” — реально существующая в виде картины “золоторунца” Фонвизина<sup>10</sup>, висящей у меня в комнате!

Принцесса-акварель

Вы робко и сентиментально,  
Принцесса, улыбаетесь мне.  
Фатой серебряной и бальной  
Блестаете вы на стене.

Я знаю: вы принцесса крови,  
Вы маленькая акварель.  
Зачем же хмурите вы брови?  
В лугах, в лесах цветет апрель.

<sup>9</sup> Брюсов с августа 1910 г. возглавлял отдел беллетристики и критики в журнале “Русская мысль”.

<sup>10</sup> Фонвизин Артур Владимирович (1883–1973) — художник-акварелист. Его работы появлялись на выставках объединений художников “Голубая роза”, “Золотое руно”, “Бубновый валет”, “Мир искусства”. В 1920-е годы преподавал в художественном техникуме Нижнего Новгорода.

Вы шепчете мне: — Поздно, поздно,  
Мой запоздалый Лоэнгрин!  
Принцесса, это небо грозно  
Затем, что чует ультрамарин.

— Ах, это небо очень сине,  
Но я сегодня так грустна, —  
Вздыхаете вы на картине —  
Ах, жальтесь, жальтесь, я одна!

— Принцесса, нежный ваш румянец  
Вы губите печалью. Вас  
Приветствует, склоняясь, посланец  
Маркиза Жиль-де-Карабас.

— Мои томления глубоки!  
Он создан тушью, он мираж,  
Посланец этот. Вы жестоки  
К принцессе бедной де-Соваж.

Как укорить ее могли — вы,  
Единственный мой менестрель?  
— Принцесса, вы несправедливы,  
Вы сами — только акварель.

Вот еще — маленькая тоска маленького поэта, спрятанная в несложную форму сонета.

Больной принц

Слабеют крики журавлиных стай  
В осеннем небе, мне родном и синем.  
Мы Францию и тесный Лувр покинем,  
Мой бедный паж, уедем мы в Китай.

Не греет московитский горностаи —  
Зажги камин. Плотнее ставни сдвинем.  
Как ласточки, мы океаны минем,  
Летя в страну, где правит Тао-Тай.

Как лилия моя пред стужей зимней,  
Я увядаю. Спой мне, мальчик, спой  
Ту песенку маэстро Монтеклера

О ветряной синьоре Primavera.  
Ах, для меня Китай гостеприимней,  
Чем Иль-де-Франс, холодный и родной!

А вот тоска без фабулы и в плохих стихах, почему-то мне близких:

В сердце много боли вешней.  
Болен я. Один.  
Под надрубленной черешней  
Зеленеет тмин.

Ах, и дни, что ныне, те ли,  
Что ушли, цветя?  
Те тебе, ликуя, пели,  
Тихое дитя.

Эти — злые над полями  
Сонные бредут.  
Улы там, за тополями,  
Тмин зеленый тут.

Что ж, на смену злым годам  
Те ли прилетят?  
Пчелы важные над тмином  
Золотятся, жужжат.

А вот отклик дорогой для меня православной старины:

Сказание о медном грошике  
(Ю. Анисимов<sup>11</sup>)

По земле идет Господень Ангел  
Нищим да слепым калекой.  
Повстречает Ангел человека,  
Человека Ангел спросит:  
— Кто ты? — Бедный!  
Ангел человека просит:  
— Грошик дай мне медный.  
Человек подаст и скажет:  
— На, прими последний.  
Человека Ангел встретит  
Во небесном граде.  
Даст ему звезду золотую Ангел.  
Человек Хранителю ответит —  
— Недостоин я твоей отрады:  
Я слепец, калека бедный.  
Скажет Ангел: — Не звезда то светит —  
Грошик светит медный.

То же старое воспоминание правосл.<ного>-детства и первой юности:

Блаженство отроческих слез,  
Порой весеннюю пролитых,  
Под тихий перепев берез,  
Водою полою омытых!  
  
О, таинство весенних встреч  
Любви таинственной начальной!  
Огни краснеющие свеч  
Святой заутрени пасхальной.  
  
Благоуханье первых слов,  
Поникнувшие низко взоры, —  
О, густолиственных лесов  
Гульливые переговоры!

Моя муза так привыкла к молчанию, что, начав говорить, забывает о воздержании. В этом причина множества рифмованных строк, посылаемых ныне из Москвы в Нижний, а также и в том, что они посылаются одновременно и Борису Александровичу Садовскому и поэту Б. Садовскому.

Вы меня очень обрадуете, если черкнете два-три слова об этих стихах, а также и о себе: как идет Ваша работа над романом<sup>12</sup>?

<sup>11</sup> Анисимов Юлиан Павлович (1886–1940) — искусствовед, художник, переводчик, поэт; внук А.Ф. Гильфердинга. В начале 1910-х годов в его московском доме собирались участники кружков “Сердарда” и “Лирика”: Дурылин, К.Г. Локс, С.П. Бобров, Б.Л. Пастернак, Н.Н. Асеев, С.Я. Рубанович, А.А. Сидоров и др. Бывал у Анисимова и Садовской.

<sup>12</sup> Имеется в виду повесть “Княгиня Зенеида” (Садовской называл ее то романом, то повестью), напечатанная в журнале “Русская мысль” (1913. № 1–2); в отд. изд. (1915) — под названием “Лебединые клики”.

Я получил недавно стихи от Льва Львовича<sup>13</sup>, “не католические” и хорошо задуманные, и отчасти и хорошо исполненные.

По приезде в Москву прочтите, дорогой Б.<орис>А.<лександрович>, Вашего Лермонтова<sup>14</sup> у Крахта<sup>15</sup>, где в этом году очень живо и не — догматично, а следовательно, и хорошо. Я очень прошу Вас это сделать, потому что вторая половина Вашего очерка очень ценна и о ней можно много и не без пользы поговорить<sup>16</sup>.

А будущим летом — не правда ли — едем на Светлое озеро<sup>17</sup>? Не слыхали ли Вы от Мельникова<sup>18</sup> или еще от кого — о ка-

<sup>13</sup> Л.Л. Кобылинский (Эллис).

<sup>14</sup> Имеется в виду статья Садовского “Трагедия Лермонтова”, написанная летом 1911 г. (опубл. в “Русской мысли” в 1912 г.); Дурылин был знаком с ней в рукописи.

<sup>15</sup> Крахт Константин Федорович (1868–1919) — скульптор. В его мастерской в начале 1910-х годов собирались участники кружка “Молодой Мусагет”, сотрудничавшие с издательством “Мусагет”. В 1926 г. Дурылин в посвященном Крахту докладе “Бодлер в русском символизме” (прочитан в ГАХН) дал яркую характеристику этому кружку, который, как он специально отметил, называли еще “бодлеровским”, по увлеченности многих его участников творчеством этого французского поэта (см.: [12, с. 682–683]).

<sup>16</sup> Видимо, Дурылин полагал, что статья Садовского могла заинтересовать кружок Крахта в контексте бодлеровской темы. Готовя в 1926 г. свой доклад для ГАХН, Дурылин сделал запись: «Давно известный мне кусочек Бодлера. Как радовал он меня когда-то! В 10-м году, когда я писал “Бодлэр и Лермонтов” <данная статья не опубликована; хранится в РГАЛИ, в фонде Дурылина. — Ю.И.>. А теперь он меня волнует. В нем слышится великая грусть и одиночество. Кого он назвал, кого он вспомнил? Тех, в чьем сердце все было покончено, кто не мог улыбнуться бытию, тех, кто не воспевал “Марго”, — толстую, грудастую бабу жизнь, давящую своей <...> все звездное на земле, — ужасную румяношекую могильницу жизнь, которая, живя на могилах, пыша здоровьем, огромными руками копает могилы всему, что тянется на земле к звездам, — и тяжелые груди ее, как тугие дыни из мяса, свешиваются над страшной ямой, в которую ушли так быстро и легко Байрон, По, Лермонтов, Леопарди (об испанце Эспрончеде — ничего не знаю, а Теннисон попал сюда до своего “лауреатства”). Их-то всех перечислил Бодлэр. <...> Одного француза он мог бы назвать: самого себя. 8.VII нов.<ого>ст.<илия> (вчера переписал и дополнил “Бодлэр в русском символизме”» [13].

<sup>17</sup> Озеро Светлояр в Нижегородской губернии, с которым связана легенда о граде Китеже.

<sup>18</sup> Мельников Андрей Павлович (1855–1930) — старший сын П.И. Мельникова (Андрея Печерского); был чиновником особых поручений при нижегородских губернаторах, инспектором по делам печати, членом военно-цензурной комиссии; автор многих работ по истории

ких-ниб<удь> источниках по Китежу (кроме “Песен” Киреевского, Гиппиус, Пришвина<sup>19</sup> и т.п.)? Был бы очень благодарен, если б что-либо разузнали.

Вам кланяются А.А. Сидоров<sup>20</sup> и Ю.П. Анисимов.

Всего лучшего – хорошей прозы и хороших стихов.

Ваш С. Дурылин.

(Москва, Покровка, 3-ий Переведеновский пер., д. 18, кв. 2).

<В конце письма карандашная помета Б. Садовского о времени получения письма – “18 окт.<ября> 1911”>.

## 2.

“Спасибо, –

Полакомил ты старого ловца!”

(Фет Л. Толстому)<sup>21</sup>

Ваши стихи, дорогой Сергей Николаевич, брызнули мне в душу чистой росой поэзии. В них есть то, чего не хватает большинству молодых поэтов – свободная, искренняя непосредственность вдохновения, а не натуга курицы, высидевшей яйцо. В этом смысле мне особенно нравится несколько а la Блок стихотворение “В сердце много боли вешней” – мне оно близко и поется без усилия. Нехорошо только “те тебе” (во 2-й строфе). “Старая царевна” при всем усилии сдерживаться заставляет у меня мурашек ползти вдоль спины<sup>22</sup>. Очень сильные “набатные” стихи! Был бы жив Мусоргский – он бы написал достойную

Нижегородчины, среди них выделяются “Очерки бытовой истории Нижегородской ярмарки” (1917).

<sup>19</sup> Имеются в виду “Песни, собранные П.В. Киреевским” (Вып. 1–10, 1860–1874), очерк З.Н. Гиппиус “Светлое озеро” (1902) и книга М.М. Пришвина “У стен града невидимого. Светлое озеро” (1909).

<sup>20</sup> Сидоров Алексей Алексеевич (1891–1978) – искусствовед, книговед, член-корреспондент АН СССР (1946), друг молодости Дурылина; участник кружков, собиравшихся у Ю. Анисимова и Крахта, где пробовал свои силы как поэт.

<sup>21</sup> Заключительные строки из стихотворения А.А. Фета “Гр. Л.Н. Т – у” (“Как ястребу, который просидел...”, 1875), вошедшего в первый выпуск “Вечерних огней” (1883).

<sup>22</sup> Практически одновременно с письмом Дурылину Садовской писал А.А. Блоку: «Без мурашек не могу читать “Поля Куликова” и “России»» [14, с. 50]. “Старая царевна” Дурылина по схожему ощущению от прочтения для Садовского связалась в один ряд с этими стихотворениями Блока.

их музыку<sup>23</sup>. В “Принцессе-Акварели”, в общем изящной и задушевной, неприятно обилие иностранных имен и слов; стих “К принцессе бедной де-Соваж” – неудачен расстановкой слов. Лучше: “К бедной принцессе де-Соваж”. В “Большом принце” слышится гумилевщина, которой я не выношу да и вам советую избегать. Вашему дарованию она чужда совершенно. Гумилев<sup>24</sup> ведь бездарен, как каблук, и кроме запасов рифм и метров ничего не имеет за душой. Другое дело – мастерские сонеты А.А. Сидорова<sup>25</sup>: у того сюда направляется талант и ему тут также трудно противодействовать, как стилету, когда он пропарывает Вашу одежду и вонзается прямо в сердце. У вас же все это мне кажется наносным, а ваше подлинное, дурылинское – “Старая царевна”, “Сказание о медном грошике”.

<sup>23</sup> Об обстоятельствах создания стихотворения “Старая царевна” Дурылин поведал в своих записках 1928 г. “Москва”, в главе, посвященной столичному колокольному звону: «Ивановский звон <с колокольни Ивана Великого. – Ю.И.> производил на меня с детства еще особое впечатление. Суриков говорил однажды Волошину: “Верю в Бориса Годунова и в Самозванца только потому, что про них на Иване Великом написано”. Я помню с детства эту надпись черно-золотую вязью на шее у Ивана Великого, но верю я в Бориса Годунова и Самозванца потому, что слушал Ивановский звон: он и при них звенел, он о них и мне звенит... В 1910 году я часто хаживал в Кремль, часто слушал Ивановский звон, – и однажды, ложась в постель, придя из Кремля после всеобщей, схватил клочок бумаги и в темноте, не глядя на нее, нацарапал вот что <далее приводится текст стихотворения. – Ю.И.>. Прочтя это стихотворение, Борис Садовской писал мне: “Нету Мусоргского – вот кто бы написал музыку на эти слова!” Перечитываю эти строки теперь и вижу: стихи писаны дольником, которым теперь пишут все, а 18 лет назад не писал почти никто, не писал и я; язык какой-то свой, и русский, и мой; какой-то кусочек старины будто застрял в стихах, и, может быть, хоть на 1/10 и есть правда в отзыве Садовского, – и вот вижу это и знаю: все это не я написал, а Ивановский звон назовил мне в тот вечер, а я лишь записал коряво названное. Утром, помню, я с удивлением прочел, еле разбирая, корявый листок – и удивился: откуда это у меня? Я писал тогда гладкие символические стихи, “Францисканские сонеты” <...> – и вдруг этот русский, истошный выплач, царевнин стон! Не мое. Звониво. Это с Иван.[овской] колокольни» [15, с. 396–398]. Важно здесь отметить, что свое стихотворение, названное в сокровенных глубинах души, Дурылин посвятил именно Садовскому: в этом жесте – признание его поэтического авторитета и сопричастности его миропониманию.

<sup>24</sup> Садовской всегда отрицательно относился к поэтической деятельности Гумилева. См. об этом: [14, с. 50].

<sup>25</sup> Имеются в виду его сонеты в кн.: Рем Д. <Баранов А.А.>, Сидоров А.А. Тога Праетекста. Стихи 1909 года. М.: Тип. торг. дома Пожидаева и Эдельберг, 1910. 64 с. Сонеты Сидорова, при всей своей мастеровитости, обнаруживают вторичность, что отметили в своих рецензиях Брюсов и Гумилев.

Я не сомневаюсь, что при наличии у Вас искренности, “нутра”, “души”, вернее вдохновения (старое, прекрасное пушкинское слово: оно с понятием о таланте неразрывно — да и над душой у нас напрасно смеются), Вы преодолете временем и трудами неизбежные тернии и придете к лаврам.

Роман, которым Вы интересуетесь, медленно вызревает у меня в голове, как в парнике дыня. “Лермонтова” вряд ли смогу прочесть: он сейчас у В.Я. Брюсова, принят им в “Русскую мысль”, а другого экземпляра я не имею.

Мельников был у нас на днях; перед отъездом поговорю с ним о китежских источниках. Он тоже, вероятно, поедет с нами.

Сегодня и завтра здесь объявлена лекция Ф.А. Степпуна<sup>26</sup>.

Благодарю Вас за память и еще раз за стихи. Скоро увидимся в Москве. Мой привет А.А. Сидорову и Ю.П. Анисимову.

Ваш

Борис Садовской.

20 окт. 1911.

Нижний.

### 3.

*<В начале письма помета Садовского — “1912”>.*

Николаевка<sup>27</sup>,

27-го мая.

Дорогой Борис Александрович!

<sup>26</sup> Степун (Степпун) Федор Августович (1884–1965) — философ, прозаик, мемуарист. В годы перед Первой мировой войной часто выступал с лекциями по философии в провинциальных городах России. Особенно любил бывать в Нижнем Новгороде. Был знаком с Садовским по собраниям в редакции издательства “Мусaget”. В мемуарах “Бывшее и несбывшееся” (1956) оставил выразительный портрет его: «Борис Садовской (не дай Бог было назвать его Садовским — ценил свое дворянство), талантливый автор стихов о самоваре и сборника тщательно сделанных литературных статей “Камена”, очень изящный, лет на 80 запоздавший рождением человек, — с бритым лицом, безволосым черепом и старомодно-торжественным сюртуком, живо напоминавший Чаадаева...» [16, с. 211–212].

<sup>27</sup> Село Николаевка Путивльского уезда Курской губ. (в наст. время — в Сумской области Украины) — имение грузинской княжны Варвары Николаевны Кавкасидзе, родной тетки Алексея Сидорова, заменившей ему и его младшему брату Сергею и сестре Ольге рано умершую мать. В Николаевке любил бывать в весенне-летнее время Дурьлин.

Шлю Вам свой привет из Малороссии от цветущих яблоней, каштанов, и поющих соловьев, удонов, звонко вскрикивающих иволог. Здесь есть еще старые дворянские гнезда и, бродя по липовым аллеям, хорошо, разгрустясь, читать ваши стихи о “прадеде моем Лихутине”<sup>28</sup>. Лихутины лежат по сельским кладбищам под вязами и дубами, и над ними поют потомки соловьев, которыми заслушивались когда-то Лихутины. Есть здесь (<неразб. слово> Курской губ.) помещики, которые знавали Фета, Майкова, служили в стрелках Императорской фамилии с гр.<афом> А.К. Толстым, но они помнят только, что Алексей Констант.<инович> красавец был, а Афанасий Афанасьевич хорошо хозяйничал, а еще раньше хорошим был кавалеристом...

Я получил от археологического института командировку в Нижегородс.<кую> губ.<ернию> и поеду на озеро Светлояр. Очень прошу Вас написать мне, где в Нижнем я могу разыскать А.П. Мельникова, к которому советовали мне обратиться и археологи и Эмилий Карлович<sup>29</sup>. Если не знаете его адреса, напишите, где он служит, каково его служеб.<ное> положение и т.п. В Нижнем явлюсь к Вашему батюшке<sup>30</sup>. Буду очень благодарен Вам. Я посылаю Вам свою статью о Толстом “Бегун”, ту самую, которую я Вам читал как-то зимой у Вас. Вы тогда отозвались о ней: “если б я был редактором, я бы поместил её” и советовали снести в “Р.<усскую> Мысль”. Валерия Яковлевича я боюсь и менее робею перед “Современником”<sup>31</sup>. Быть может, возможно ее поместить? Впрочем, совершенно предаюсь на Вашу волю, хоть и

<sup>28</sup> Имеется в виду стихотворение Садовского “Прадед”, впервые напечатанное вместе со стихотворением “Прабабка” под общим заглавием “Мои предки” в журнале “Русская мысль” в 1911 г. В сборнике Садовского “Пятьдесят лебедей” (1913) они помещены под заглавием “Семейные портреты”.

<sup>29</sup> Метнер Эмилий Карлович (1872–1936) — основатель и главный редактор издательства “Мусaget” и журнала “Труды и Дни”. В 1902–1906 гг. служил цензором в Нижнем Новгороде и хорошо знал его культурную общественность.

<sup>30</sup> Отец Бориса Садовского — Александр Яковлевич Садовский (1850–1926), авторитетный краевед, председатель Нижегородской губернской ученой архивной комиссии, автор многих трудов по истории Нижегородчины.

<sup>31</sup> “Современник” — “ежемесячный журнал литературы, политики, науки, истории, искусства и общественной жизни” — издавался в Петербурге в 1911–1915 гг. С марта по июнь 1912 г. Садовской заведовал литературным отделом журнала.

не скрою, что был бы рад видеть её напечатанной. Замолвите словечко.

Писали ли новые стихи? Если не трудно, перепишите хоть одно. Давно я Вас не видал и ничего Вашего не читал. Юлиан передавал мне, что Вы взяли его стихи<sup>32</sup>. Вот доброе дело! Пора Юлиану печататься, и как хорошо, что Вы, Фетовым благословением<sup>33</sup> поэт, первый его печатаете.

Буду очень рад Вашему письму. Черкните о Мельникове<sup>34</sup> и о том, где взять в Нижнем

<sup>32</sup> В письме от 9 ноября 1912 г. Садовской известит Анисимова: «Устроил тебя в новом журнале “Северный Ежемесячник”, в котором приму ближайшее участие» (РГАЛИ. Ф. 1013. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 2). Имелся в виду журнал “Северные записки. Литературно-политический ежемесячник”, который с января 1913 г. стала издавать С.И. Чацкина. Садовской войдет в авторский коллектив журнала. В нем будут напечатаны его стихотворения, критические статьи, а также повесть “Побеги жизни”.

<sup>33</sup> Творческое наследие Фета имело чрезвычайно важное значение для Садовского. У него было намерение издать книгу о Фете, материалы для нее он долгие годы собирал, обладал его автографами. К сожалению, это намерение не осуществилось по ряду объективных причин, прежде всего из-за тяжелой болезни автора. Современники хорошо знали о фетовской страсти Садовского, обращались к нему за соответствующими консультациями (в частности, Ю.А. Никольский и Г.П. Блок). Фетовский аспект стал неотъемлемой частью написанных Дурылиным поэтического и прозаического портретов Садовского (см.: [17, с. 388–390]).

<sup>34</sup> По возвращении со Светлояра Дурылин извещал своего гимназического товарища В.В. Разевига: “...Был <...> у Мельникова <...>, милейшего, умнейшего и интереснейшего из всех чиновников особых поручений. Он потешил меня такими легендами и сказаниями, что сам стал для меня легендой” [12, с. 832]. Позднее, в 1928 г., в письме к Н.К. Гудзию, собиравшемуся совершить путешествие по волжским городам, Дурылин написал вдохновенный портрет Мельникова: «В Нижнем, бывало, я проводил целые дни с А.П. Мельниковым, сыном Печерского, который знал русскую литературу “в лицо” от Достоевского и Писемского до Андрея Белого, которого водил по хлыстовским местам (в 1904 г. в Нижнем жил Э. Метнер, к нему и ездил Белый). Самое m-me Гиппиус саживал Андрей Павлович в тарантас, когда она изволила совершать *partie de plaisir* на Святое озеро, самого Лихун-Чанга водил он по Нижнему, показывая достопримечательности. А самому Андрею Павловичу хлысты не раз говорили: “Андрей Павлович, батюшко, раздвой бородку — и иди к нам во Христа”. А приеду, бывало, в Нижний, Андрей Павлович, чиновник особых поручений при всех губернаторах (“особые поручения” были исключительно гидообразного или этнографического характера), — сидит в квартире своей во флигеле губернаторского дома на диване, поджав ноги, как буддийский бог в нише, и повторяет: “Гамакришна Будхарата бунаканда”: он был буддист! — и, верите или нет, бывало в трактире, за стерляжьей ухой, между анекдотом о Герцене и губернаторе, примется читать нараспев стих за стихом из “Махабхараты” по-санскритски!

лошадей на Семеновский тракт. Во благовремении черкните и осудите моего Толстого.

Вам шлет привет милый юноша, Сережа Сидоров<sup>35</sup>, брат А.<лексея>А.<лексеевича>, большой Ваш поклонник.

Уваж<ающий> и любящий С. Дурылин.

Адрес: Почт.<овая> станция Бурынь, Курской губ.<ернии>, Николаевка, имение кн.<яжны> В.Н. Кавкасидзе, мне.

P.S. Письмо претерпит (?) Одиссею, ибо не знаю Вашего адреса.

4<sup>36</sup>.

Дорогой Б.<орис> А.<александрович>!

К сожалению, не застал Вас<sup>37</sup>.

Если захотите меня повидать, то вот адрес: Канатная ул., д.<ом> Лемке<sup>38</sup>, кв.<артира> д-<окто>ра Либина<sup>39</sup>. Я уезжаю сегодня в 8.58 веч.<ера>.

Буду дома. Привет от всех.

Ваш С. Дурылин.

Да, широка была Россия! “Я бы ее сузил!” — говорил Дмитрий Карамазов. И извозчика, бывало, нанимаешь на вокзале: “К Андрею Павловичу!” — и везут. Вам бы его разыскать. Кажется, он жив еще (лицом вылитый Эдуард VII), и побеседовать». И по завершении портрета — знаменательная отсылка: “Кстати, в Нижнем Б. Садовский — умный и острый” [7, с. 606].

<sup>35</sup> Сидоров Сергей Алексеевич (1905–1937), брат А.А. Сидорова, с малых лет отличался особой любовью к церковным службам и позднее стал священником. Был связан с П. Флоренским. В наше время двумя изданиями вышли его “Записки”. А.А. Сидоров, сам незаурядная творческая личность, считал: “Брат Сергей имел лучшие, чем я, способности к литературе” [18, с. 417]. В советское время Сергей Сидоров несколько раз арестовывался, в 1937 г. расстрелян.

<sup>36</sup> Письмо не датировано. Мы полагаем, что оно относится к июню 1912 г., когда Дурылин приезжал в Нижний Новгород, чтобы затем отправиться на Светлояр, и встречался с Садовским, который, приехав из Петербурга, жил в родительском доме в июне–июле 1912 г., после чего уехал в Пятигорск с целью пройти курс лечения от своей хронической болезни.

<sup>37</sup> Дурылин приходил к Садовскому в его родительский дом (ул. Тихоновская, 27).

<sup>38</sup> Современный адрес — ул. Короленко, 11. Здание сохранилось, ныне это объект культурного наследия федерального значения. Дом был выстроен в конце XIX в. городским архитектором Нижнего Новгорода В.М. Лемке для собственных нужд; дом знаменит тем, что в 1900–1901 гг. здесь жил Максим Горький (он также входит в ансамбль зданий, составляющих усадьбу В.М. Лемке; в одном из ее флигелей в 1888–1896 гг. жил В.Г. Короленко).

<sup>39</sup> Очевидно, это В.Б. Либин — нижегородский врач, член партии социалистов-революционеров.

5<sup>40</sup>.*(Визитная карточка).*

**Сергей Николаевич Дурылин** <далее – карандашом. – Ю.И.> просит дорогого Бориса Александровича пожаловать к 1 часу дня, в Народный дом, на лекцию “За полуночн.<ым> солнцем”.

Тихоновская ул.<ища>. Свой дом. Борису Александровичу Садовскому.

Билет для входа.

6.

*(Помета Садовского карандашом: “12. XII. 1912”)*

Милый и дорогой Борис Александрович!

Увы, я только что получил Ваше дружеское письмо, ибо я не был в “Мусагете” давным давно, а переслать его мне никто не догадался. Вы – такой добрый и верный друг в отношении ко мне и Юлиану, что, конечно, я, если б и не хотел писать для печати, написал бы, – но я и вообще очень рад написать о св. Франциске<sup>41</sup>. Рецензию эту (переводы сравню с подлинником Fioretti. Speculum perfectionis, edit. P. Sabatier. Paris. 1898 г.) напишу в самом скором времени и вышлю, – точно также вышлю немедленно и статью “Бегун”. Я получил любезное приглашение от г-жи Чацкиной, которым я обязан Вам же, – и предложу ей еще кое-что о Толстом: Вам же отдам “Бегуна”. Затем я очень хотел бы поместить у Вас рецензию на Вольфинга “Модернизм и

<sup>40</sup> Письмо не датировано. Мы датируем его концом лета – началом осени 1912 г. В это время Дурылин снова приезжал в Нижний Новгород, чтобы выступить с лекцией по материалам, собранным во время путешествия на Север. Он приглашает Садовского именно на эту лекцию. Она состоялась в Народном доме, учрежденном в 1903 г. при содействии М. Горького и Ф.И. Шалапина и выполнявшем функции культурно-просветительского центра. С той же лекцией в 1912 г. Дурылин выступал в Москве и Вязниках. Свои впечатления от путешествия он отразил в книге “За полуночным солнцем (По Лапландии пешком и на лодке)”, которая в 1912 г. была опубликована в журнале “Маяк”, а в 1913 г. вышла отдельным изданием.

<sup>41</sup> У Дурылина был глубокий интерес к личности Франциска Ассизского. «Что-то было созвучное у него с этим “бедняком Христовым”, – писала в своих воспоминаниях о Дурылине Т.А. Сидорова-Буткевич, жена А.А. Сидорова [12, с. 816]. Франциску он посвятил четыре сонета в “Антологии” книгоиздательства “Мусагет” (1911). Вместе с А.П. Печковским Дурылин подготовил два издания жизнеописания святого (1911, 1913), куда вошли его статьи “Житие святого Франциска Ассизского” и “Цветочки” святого Франциска Ассизского».

музыка”<sup>42</sup>; не скрою от Вас, по двум причинам хотел бы этого: а) книга, действительно, умная, талантливая, чуждая патоки Айхенвальда<sup>43</sup> и богоборчества в виде фельетонов, и б) книга по своему культурному (здесь и далее подчеркнуто Дурылиным. – Ю.И.) устремлению глубоко чуждая современному интернационализму (черт его побери), универсальной культуре, подобно универс.<альному> магазину, где продается всякая дрянь. Приемлема ли такая рецензия? (разумеется, чуждая полемики с интернационалистами готового платья). Читал сейчас “Юбилей поэта”. Славно пишут в селе Медведь!

Вере Оскаровне<sup>44</sup> делали операцию – к счастью, благополучно. Юлиан был потрясен и измучен ее болезнью. Ну, да все слава Богу!

Крепко жму Вашу руку.

Ваш С. Дурылин.

Мой адрес: Покровка, 3-й Переведеновский пер.<переулок>, д.18, кв. 2.

P.S. Если Вы сами не вздумаете писать о книжке Юлиана, то разрешите это сделать мне<sup>45</sup>.

<sup>42</sup> Имеется в виду книга Э.К. Метнера (под псевдонимом – Вольфинг) “Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические. (1907–1910). Приложения (1911)”, вышедшая в 1912 г. в издательстве “Мусагет”. В этой книге Метнер характеризовал музыкальный модернизм как “отсутствие культурной преемственности”, “мнимый импрессионизм и виртуозность”, “страсть к изобретению новых красочно-звуковых оттенков”, “непонимание формы”, “любительство”, “явление безусловно вредное для развития высшей культуры; в конечном результате это грозит возвращением к варварству, но без девственных сил его, к варварству, как атавизму” [17, с. 239–240].

<sup>43</sup> Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) выдвинул концепцию “имманентной критики”. Его методология некоторыми современниками воспринималась как неубедительная. Садовской в рецензии на очерк Айхенвальда “Пушкин” (1908) писал: «Книга г. Айхенвальда в строгом смысле не может быть названа ни ученым исследованием, ни критической работой. Всего точнее содержание ее выразилось бы в словах: “как я люблю Пушкина”. <...> Но нужно ли все это? И вообще дневник эстетика, влюбленного в Пушкина, написанный изящно и умно, вряд ли может иметь какое-нибудь значение для воздвигаемой Пушкинианы» [19, с. 94].

<sup>44</sup> Станевич Вера Оскаровна (1890–1967) – жена Ю.П. Анисимова; поэтесса, переводчик.

<sup>45</sup> Первый поэтический сборник Ю.П. Анисимова “Обитель” (1913) готовился к публикации издательством “Альциона”, которым руководил земляк Садовского, его институтский однокашник А.М. Кожебаткин. Садовской о нем не высказывался в печати. Рецензию на “Обитель” опубликовал Дурылин – в журнале “Труды и дни” (1913). Он обратил внимание на некоторые несовершенства

Вашу книгу стихов<sup>46</sup> я дважды прочел, как целую книгу и по неск.<ольку> раз отдел.<ьные> стихи, и собираюсь Вам написать о ней подробно, пока же скажу, что Ваши стихи благоухают тем чище и нежней, чем проще и родимей их запах, чем тише, чище и зеленей тот лес, через который выходишь на луг по тропинке, — и рвешь цветы на полянках, на поёме, у болотца...

В лугах при колокольном звоне

Я собирал весной цветы<sup>47</sup>.

Да, это правда: Вы их собрали и не засушили. И спасибо Вам за это!

### 7.

<Письмо написано на бланке: «Редакция газеты “Русская молва”<sup>48</sup>. С.-Петербург, Троицкая ул., д. № 15–17. Телефон № 121–44»>.

СПб., 13 дек. 1912 года.

Дорогой Сергей Николаевич!

Спасибо за теплое письмо. Присылайте Франциска поскорее, а также и “Бегунов”. Страдаем мы также от недостатка переводной литературы: умоляю Вас, настояйте, чтобы Юлиан выслал скорее переводы из Рильке<sup>49</sup>.

---

дебютной, “начальной книги” Анисимова, но в целом его мнение было положительным, с искренним уважением к позиции автора, его стремлению достучаться до читательских сердец: “...От этой книги — *Душа стесняется лирическим волнением*. Пусть во многом слово не стало в ней лирической плотью, которая сама живет, в согласии с духом, самобытно и цельно, пусть многие стихотворения — только страницы книги, а не сами — маленькие, но законченные книги, где страницы — строфы, — все же, вся в целом, эта книга из тех, которым отдаешься с радостью и надеждой под их лирическое иго” [12, с. 26].

<sup>46</sup> Садовской Б.А. Пятьдесят лебедей: Стихотворения. СПб.: Тип. Альтшулера, 1913. 101 с.

<sup>47</sup> Строки стихотворения “В лугах, при колокольном звоне...” из дебютного сборника Садовского “Позднее утро” (1909). В автографе стихотворение имело посвящение О.Г. Чубаровой, подруге юности Садовского (посвящение было восстановлено при авторской правке 1930-х годов) В критике стихотворение отмечалось как лучшее в сборнике.

<sup>48</sup> Газета “Русская молва” издавалась с декабря 1912 г. по август 1913 г. По приглашению видного деятеля партии кадетов А.В. Тырковой (и по рекомендации А.М. Ремизова и А.А. Блока) Садовской занял в газете должность редактора литературного отдела. Однако проработал он в газете совсем недолго (чуть больше месяца): уволился из-за принципиальных разногласий с редактором.

<sup>49</sup> Ю.П. Анисимов был в числе первых переводчиков, познакомивших русских читателей с поэзией Р.М. Рильке. Сборник его переводов (*Рильке Р.М.* Книга часов. Ч. 1.

Еще пострекайте Ходасевича<sup>50</sup>, да, кстати, скажите ему (тел. 307, — 88), что “Московские письма”<sup>51</sup> он может расширить до 100 и даже 150 строк. Всех переводчиков хватайте прямо за яйца и требуйте рукописей. Жду с нетерпением и Вольфинга. Присылайте всё, только скорее, как можно. Да нет ли у Вас рождественского рассказа?

Ваш Бор. Садовской.

### 8.

Дорогой Борис Александрович!

Не знаю, как Вас благодарить за Ваше дружеское понукание меня и Юлиана. Без такого способа воздействия, мы, русские бездельники, пропали бы и предались окончательно в руке [так!] интернационалистов. Посылаю Вам одновременно с письмом:

1) Рассказ Рождественский оригинальный. Рукопись его в единственном экземпляре — не затеряйте.

2) “Бегуна”<sup>52</sup>.

3) Три рецензии: а) о Франциске, б) о Вольфинге, в) о Наполеоне — Тэна<sup>53</sup>.

Не знаю, не длинны ли они по размеру; если нужно сокращать, сокращайте. Но, если можно, поместите целиком Вольфинга: и так я сжимался, сколько мог. Напишите

---

О монашеской жизни. М.: Лирика, 1913. 46 с.) редактировался В.И. Ивановым. В предисловии к сборнику Анисимов подчеркнул, что “отдает” свой труд “тем немногим, кто ценит Рильке не только как исключительного стихотворца и кто чувствует его значение для России” (с. 3). Дурылин опубликовал рецензию на этот сборник, в которой подчеркнул: “Родная русская печаль и вера есть в стихах немецкого поэта, и оттого они дороги и милы, и близки” (Путь. 1914. № 3. С. 69).

<sup>50</sup> В.Ф. Ходасевич писал Садовскому (письмо не датировано, но есть помета Садовского “21 дек. 1912”): «Дурылин меня от Вашего имени “стрекал”. Буду стараться: только печатайте!» [2, с. 331].

<sup>51</sup> Имеется в виду “Московская литературная хроника” — колонка, которую, под названием “Вести из Москвы”, Садовской предлагал вести Ходасевичу в газете “Русская молва”.

<sup>52</sup> Рукопись статьи “Бегун” сохранилась в фонде Дурылина в РГАЛИ (Ф. 2980. Оп. 1. Ед. хр. 6). Тема “бесконечного бегунства русского человека” [12, с. 734] сильно интересовала Дурылина. Наряду с упомянутой работой, она также развивается в его статьях о поэтах Леониде Семенове (1918) и Александре Добролюбова (1926), в мемуарном очерке “У Толстого и о Толстом” (1928) и книге “Рихард Вагнер и Россия” (1913).

<sup>53</sup> Книга И. Тэна “Наполеон Бонапарт”, вышедшая в русском переводе в издательстве “Мусагет” в 1912 г.

откровенно (с правом выругать и сказать: “Хи, хи, хи - - - С.Н. пишет стихи!”) и о рассказе, и о рецензиях.

Юлиана и Ходасевича понукну (вот слово-то!).

Можно ли написать о поэте Б. Садовском — о лебедях<sup>54</sup>? Можно ли ругнуть Клюева<sup>55</sup> и вообще в размере фельетона? Написать ли Вам фельетон об озере Светлояре, скитах и Керженце? С диалогами, мужиками, мистическими и матерщинными?

Ну, шлю Вам привет большой и спасибо.

Ваш С. Дурылин.

Покровка, 3-й Переведеновс.<кий>, 18, 2.

P.S. Если что напечатаете, то вышлите газету (№№ с напечат.<анным>) в 2 экземплярах.

Да и вообще хотелось бы познакомиться с газетой.

<В конце письма помета Садовского — “17. XII.12.”>

9<sup>56</sup>.

Дорогой Борис Александрович!

С Новым годом!

Я послал Вам письмо еще в старом году, но, должно быть, Вы уехали в Нижний на праздники и оно Вас не застало.

Очень благодарю, что Сергею Раевскому оказалось место рядом с А. Ремизовым и Б. Садовским<sup>57</sup>. Рецензию на Вольфинга я очень просил бы Вас поместить. По многим причинам, — из которых одну Вы поймете, вспомнив некоторые наши разговоры о некотором народе, — больше, чем кто-либо, — я очень бы хотел, чтоб хоть одна моя рецензия воздала отчасти должное этой замечательной книге; потому поратуйте, православный, за это писаньице!

Не требуется ли Вам очерка (размер фельетона) о Заволжских мужиках, Невидимом граде

<sup>54</sup> О сборнике стихотворений Садовского “Пятьдесят лебедей”. Рецензия не была написана; видимо, по причине скорого ухода Садовского из “Русской молвы”.

<sup>55</sup> В 1915 г. Н.А. Клюев в Петрограде познакомится с Садовским, подарит ему свой сборник стихов “Мирские думы”. В книге “Ледоход” (1916) Садовской охарактеризует творчество Клюева как значительное явление в русской поэзии.

<sup>56</sup> Письмо относится к началу января 1913 г.

<sup>57</sup> Сергей Раевский — псевдоним Дурылина. Ремизов и Садовской публиковались в газете “Русская молва”.

и видимых весях раскольничьих полубеллетрист.<ического> характера? Затем, мыслимо ли написать рецензию о Юлиане, строк на 20<sup>58</sup>?

Одновременно с этим письмом к Вам, пишу в контору с просьбой выслать динариев за рассказ.

Всего доброго Вам, а русской литературе — нового Пушкина!

Ваш С. Дурылин.

(Покровка, 3 Переведеновский, 18, 2).

10<sup>59</sup>.

Дорогой Борис Александрович!

Вручаю Вам две из своих книг, — вручаю с особой радостью, как человеку, всегда искренно и тепло относившемуся ко мне. Очень бы любопытствовал, что Вы скажете о “Вагнере”. Ведь книга-то не о Вагнере, а о другом<sup>60</sup>.

Очень рад еще и еще раз сказать Вам большое спасибо за Ваше доброе дружество.

Ваш С. Дурылин.

<sup>58</sup> Садовской уже не мог что-либо ответить относительно рецензии на сборник Анисимова “Обитель”, ибо уже покинул редакцию “Русской молвы”. Перечисленные выше материалы Дурылина — “Бегун” и три рецензии (“а) о Франциске, б) о Вольфинге, в) о Наполеоне — Тэна”) — в “Русской молве” не появились: во-первых, по причине непродолжительности пребывания там Садовского, а во-вторых, из-за того что его литературная позиция не разделялась главным редактором С.А. Адриановым. О последнем Садовской так написал в своих мемуарах 1920-х годов: «Главным редактором газеты был заслуженный приват-доцент, по прозвищу Ферфичкин. Сморщенный и плюгавый, он никогда не смотрел в глаза. Ферфичкин лет десять назад, по заказу министра Плеве, написал “Историю министерства внутренних дел” и получил награду, но после 1905 года счел за лучшее переменить свои взгляды. Он сплошь браковал подобранных мной сотрудников <среди них Садовской называет «группу москвичей из “Мусагета”», а в этой группе как раз и был Дурылин. — Ю.И.>... <...> Через месяц я уволился» [20, с. 172].

<sup>59</sup> Письмо не датировано; относится к 1913 г., когда вышла подаренная Дурылиным Садовскому книга “Рихард Вагнер и Россия. Вагнер о будущих путях искусства”.

<sup>60</sup> Действительно, книга была о другом — в связи с Вагнером, но о другом: о России, о русском человеке, взыскующем Града невидимого — Китежа, — и русском искусстве, сила которого “в действенном источнике веры и религии” [12, с. 104–105]. В этой книге Дурылин впервые обратился к мифологеме Китежа, все очарование которой он с особой яркостью и полнотой ощутил в своем “бегунстве” в 1912 г. к местам, где она возникла, к Нижегородскому Заволжью (в 1915 г. он вторично побывал здесь). С этой же мифологемой связаны его книги “Церковь невидимого Града” (1914), “Сказание о невидимом Граде-Китеже” (1916), “Начальник Тишины” (1916).

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Торопова В.Н.* Сергей Дурылин: Самостояние. М.: Молодая гвардия, 2014. 393 с.
2. *Ходасевич В.Ф.* Некрополь. Литература и власть. Письма Б.А. Садовскому. М.: Согласие, 1996. 464 с.
3. *Садовской Б.А.* Заметки. Дневник (1931–1934) // Знамя. 1992. № 7. С. 172–194.
4. *Демин В.Н.* Андрей Белый. М.: Молодая гвардия, 2007. 413 с.
5. *Садовской Б.А.* Морозные узоры: Стихотворения и письма. М.: Водолей, 2010. 568 с.
6. Сергей Дурылин и его время: Исследования. Тексты. Библиография. Кн. 1: Исследования. М.: Модест Колеров, 2010. 512 с.
7. *Дурылин С.Н.* В своем углу. М.: Молодая гвардия, 2006. 879 с.
8. *Белый А.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. 671 с.
9. *Садовской Б.А.* “Весы” (Воспоминания сотрудника) // Минувшее: Исторический альманах. 13. М.; СПб.: Atheneum: Феникс, 1993. С. 7–53.
10. *Садовской Б.А.* Стихотворения, рассказы в стихах, пьесы и монологи. СПб.: Академический проект, 2001. 398 с.
11. *Анчугова Т.В.* В зарницах памяти: Москва 1940–1950-х гг. М.: Русский мир, 2019. 368 с.
12. *Дурылин С.Н.* Статьи и исследования 1900–1920-х годов. СПб.: Владимир Даль, 2014. 895 с.
13. *Дурылин С.Н.* “Брожу по взгорьям в дни глухонемые...”: Пропущенные “углы” / Подгот. текста, предисл. и примеч. А. Резниченко // Новый мир. 2008. № 12. С. 144–162.
14. *Изумрудов Ю.А.* “В память наших десятилетних, не омраченных ничем дружелюбных отношений...”: неизданные письма Бориса Садовского к Александру Блоку и их историко-литературный контекст // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2019. Т. 78. № 5. С. 44–58.
15. *Дурылин С.Н.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 1. М.: Изд-во журнала “Москва”, 2014. 544 с.
16. *Степун Ф.А.* Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. 651 с.
17. Книгоиздательство “Мусагет”: История. Мифы. Результаты: Исследования и материалы. М.: РГГУ; Мемориальный Дом-музей С.Н. Дурылина, 2014. 526 с.
18. *Сидоров С.А.* Записки священника Сергия Сидорова, с приложением жизнеописания, составленного его дочерью В.С. Бобринской. М.: Изд-во ПСТГУ, 2019. 494 с.
19. *Голов Н.* <Садовской Б.А.>. Ю. Айхенвальд // Весы. 1909. № 7. С. 93–94.
20. *Садовской Б.А.* Записки (1881–1916) // Российский Архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. 1. М.: Студия “ТРИТЭ” – “Российский Архив”, 1994. С. 106–183.

## REFERENCES

1. *Toropova, V.N.* *Sergey Durylin: Samostoyaniye* [Sergey Durylin: Self-Status]. Moscow, 2014. 393 p. (In Russ.)
2. *Khodasevich, V.F.* *Nekropol. Literatura i vlast. Pisma B.A. Sadovskomu* [Necropolis. Literature and Power. Letters from B.A. Sadovsky]. Moscow, 1996. 464 p. (In Russ.)
3. *Sadovskoy, B.A.* *Zametki. Dnevnik (1931–1934)* [Notes. Diary (1931–1934)]. *Znamya*. [Banner], 1992, No. 7, pp. 172–194. (In Russ.)
4. *Demin, V.N.* *Andrey Bely*. Moscow, 2007. 413 p. (In Russ.)
5. *Sadovskoy, B.A.* *Moroznyye uzory: Stikhotvoreniya i pisma* [Frosty Patterns: Poems and Letters]. Moscow, 2010. 568 p. (In Russ.)
6. *Sergey Durylin i yego vremya: Issledovaniya. Teksty. Bibliografiya. Kn. 1: Issledovaniya* [Sergei Durylin and His Time: Research. Texts. Bibliography. Book. 1: Research]. Moscow, Modest Kolerov, 2010. 512 p. (In Russ.)
7. *Durylin, S.N.* *V svoem uglu* [In Your Corner]. Moscow, 2006. 879 p. (In Russ.)
8. *Bely, A.* *Sochineniya v 2 t. T 2* [Works: In 2 Volumes. Vol. 2]. Moscow, 1990. 671 p. (In Russ.)
9. *Sadovskoy, B.A.* “*Vesy*” (*Vospominaniya sotrudnika*) [“Vesy” (Memories of a Staff Member)]. *Minuvsheye: Istoricheskiy almanakh. 13* [Past: Historical Almanac. 13]. Moscow, St. Petersburg, 1993, pp. 7–53. (In Russ.)
10. *Sadovskoy, B.A.* *Stikhotvoreniya, rasskazy v stikhakh, pyesy i monologi* [Poems, Stories in Verse, Plays and Monologues]. St. Petersburg, 2001. 398 p. (In Russ.)
11. *Anchugova, T.V.* *V zarnitsakh pamyati: Moskva 1940–1950 gg.* [In the Lightning of Memory: Moscow 1940–1950s]. Moscow, 2019. 368 p. (In Russ.)
12. *Durylin, S.N.* *Statyi i issledovaniya 1900–1920 godov* [Articles and Research from 1900 to 1920]. St. Petersburg, Moscow, 2014. 895 p. (In Russ.)
13. *Durylin, S.N.* “*Brozhu po vzgoryam v dni glukhonemye...*” *Propushchennyye “ugly”* [“I wander

- through the hills on deaf and dumb days...” Missed “Corners”]. *Novyj mir* [New World], 2008, No. 12, pp. 144–152. (In Russ.)
14. Izumrudov, Yu.A. “*V pamyat nashikh desyatiletikh, ne omrachennykh nichem druzhelyubnykh otnosheniy...*”: *neizdannyye pisma Borisa Sadovskogo k Aleksandru Bloku i ikh istoriko-literaturnyy kontekst* [“In memory of our Ten-Year, Friendly Relations not Overshadowed by Anything ...”: Unpublished Letters from Boris Sadovskoy to Alexander Blok and Their Historical and Literary Context]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2019, Vol. 78, No. 5, pp. 44–58. (In Russ.)
  15. Durylin, S.N. *Sobraniye sochineniy v 3 t. T. 1* [Collected Works: In 3 Volumes. Vol. 1]. Moscow, 2014. 544 p. (In Russ.)
  16. Stepun, F.A. *Byvsheye i nesbyvsheyesya* [Past and Unfulfilled]. St. Petersburg, 2000. 651 p. (In Russ.)
  17. *Knigoizdatelstvo “Musaget”: Istoriya. Mify. Rezultaty: Issledovaniya i materialy* [“Musaget” Publishing House: History. Myths. Results: Research and Materials]. Moscow, 2014. 526 p. (In Russ.)
  18. Sidorov, S.A. *Zapiski svyashchennika Sergiya Sidorova, s prilozheniyem zhizneopisaniya, sostavlenogo yego docheryu V.S. Bobrinskoy* [Notes of the Priest Sergiy Sidorov, with the Attachment of the Biography, Compiled by his Daughter V.S. Bobrinskaya]. Moscow, 2019. 494 p. (In Russ.)
  19. Golov, N. (Sadovskoy, B.A.). *Yu. Aykhenvald. — Vesy* [Libra], 1909, No. 7, pp. 93–94. (In Russ.)
  20. Sadovskoy, B.A. *Zapiski (1881–1916)* [Notes (1881–1916)]. *Rossiyskiy Arkhiv (Istoriya Otechestva v svidetelstvakh i dokumentakh XVIII–XX vv.)* [Russian Archive (History of the Fatherland in Certificates and Documents of the 18<sup>th</sup>–20<sup>th</sup> Centuries)]. Issue 1. Moscow, 1994, pp. 106–183. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 7 февраля 2021 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 марта 2021 г.

Статья принята к публикации: 30 марта 2021 г.

Дата публикации: 30 июня 2021 г.

Received by Editor on February 7, 2021

Revised on March 15, 2021

Accepted on March 30, 2021

Date of publication: June 30, 2021